

ПЛОТНЫЙ ЗАХЛЁСТ искромётной речи и тяжёлый поток её — необычной, сугубо индивидуальной, сложно сконструированной и настолько эмоциональной, что даже мат воспринимается вполне естественно: кто без него обходится в России... Раскрывается сборник А. Бычкова "Вот мы и встретились", начинающийся рассказом "Права человека" — да только вот будут ли они?

Одно у человека право не оспорить: умереть, ухнуть в смерть, но... пока надо жить: поэтому кипит речь:

"Как ветер, откуда-то из темноты, налетает, ломает, рушит, чердаки, перегородки, мозги, да, дует в мозги, свистит, сносит, разбивает черепицу, шифер, бьёт стекло, вырывает драпку, гнилую, прогнившую, срывает её, разбрасывает веером... Да, ломает хорошо, со смаком и с хрустом, трещит как ого-го. Ты задумался про молоко "Домик в деревне", права человека, тужиться, можно сказать, под бриллианты".

Резко мелькнёт цитата: выше стропила, плотники! Бычков часто пользуется литературной игрой, хотя жизнь, предложенная окрест, подразумевает избыток серьёзности; но интереснее — завихрения речи, даже пусть и: "Тебе нужна конкретность? Тебе нужно имя, история, фабула, сюжет? Хорошо, пожалуй же... Приезжаем на diligencе, как Шерлок Холмс, приходим пешком, как Ватсон. Англия, блин, а не Россия".

Промельки сюжета — скорее, он не является сплошной необходимостью, жизнь большинства бессюжетна, строится на страстях, рвущих обыденность и участвующих в ней, на скуке монотонных периодов заурядности — как мышление большинства алогично, хаотично: и хорошо это показано в рассказе "Вот мы и встретились"...

...одна из ключевых фраз бытия: "Ведь весь кайф в неизвестности, когда ты не знаешь, что с тобой будет дальше"...

Самопознание, углубляясь, может повести страшными тропами кошмара, становящегося реальностью, собственно, реальность оспаривающего — как в рассказе "Белая линия" — где Бычковы, пришедшие к Бычкову, отражаются в зеркалах человеческого страха перед бытием.

"Русский рассказ" ворвётся огнём в пределы Оптиной: и персонаж, рухнувший в молитву, как в бездну, стремящийся выправить жизнь, получит-таки облегчение, необходимое ищущему сердцу.

Человек — всегда запяток обстоятельств, сплетает которые не он: тугие узлы затягивают, и близина

ГЕРОЙ ИЩЕТ...

К 70-летию писателя Андрея Бычкова

снега, умиротворённо мерцающего в Оптиной, словно сообщает и близину воспалённой душе.

...она перестанет быть таковой: если человек выдержит себя, преодолев натяжение событий.

Ростки безумия есть в каждом.

...со средневековой начались попытки отделить безумцев от социума: логичные попытки; но без "сумасшедшинки" мышления в литературе не обойтись.

И вот Бычков, точно разыгрывая страшное, но маяншее действо, вживается в мир безумца — и безумства, и, вжившись, претворяет его в прозу.

Ведь порою безумие может подкачать мысль, к которой невозможно прийти обычным порядком...

"Все слова, как и вещи, ни к чему, чтобы только играть"...

Родители мальчика, узнав о катастрофе заболевания (шизофрении), стараются, тщатся, пробуют вести жизнь, как все.

Как у всех.

...нанятые рабочие роют колодец на даче.

Открывается метафора: развёрнутая и усложнённая — погружения в себя, что и происходит с ребёнком, поражённым недугом.

...Рытьё длится и длится.

Мир сдвигается и сдвигается.

Деформируется реальность — спеша вперёд, к безумию.

Страшно.

Но и — страшно интересно погружаться в предложенное писателем, расплётать орнаменты слов, смакуя стилистические красоты:

"Он уже спал, когда луна заглянула в зеркало. И луна разлилась по комнате, как ртуть. Проскользнула в полированной ручке кресла. Подобралась на стекле книжной полки. Обнажила и разлила прозрачный стакан. Наполнила серебром чайную ложечку".

...безумие, страшным зигзагом молнии рассекающее пространство: книга "Тот же и другой" — трактует неподъёмную тему... которую и надо поднимать, чтобы высветить полнее человеческую суть.

РАССКАЗЫ, СОБРАННЫЕ в сборнике "Всё ярче и ярче" поражают интеллектуальной насыщенностью, сплетением стиля и психологии, тугими волокнами фраз, звучащих порой как поэтические строки.

Сквозной сюжет, который можно обозначить словосочетанием — герой ищет.

Онтология поиска себя важнее всего.

Но ищутся и ключи — от двери, за которой тайна мира; если их нет — подойдут и отмычки, пусть это философски беззаконно, но так необходимо.

Злорадная Луна разгорится над стеклянной поверхностью.

...образы стекла часто мерцают в устройствах метафор Бычкова.

Стекло — прозрачность — хрупкость: объединяются свойства, намекая на возможный вариант восприятия яви.

Рефлексия — постоянная и неизбытная — подчёркивается обрывочностью мышления персонажей.

Собственно — так мы и думаем на самом деле, ведь логики никто не видал.

Как, скажем, эманации.

Эмоциональность текстов велика — иные обжигают самое сердце сердца.

...иногда самоопределение текста мерцает странно одною фразой: "Не рассказ, а так, всего лишь лёгкий осенний щелчок, синяя дымка и прозрачное поле, какие-то птицы улетают на юг, словно бы испуганы выстрелом".

Так — внутри текста "В бешеных плащах", рассказа, вдруг разворачивающего ленты выдуманного

языка, краски событий предлагающего замысловатой игрой... не в бисер ли?

Многое насплавая, Бычков словно творит универсальный палимпсест бытия.

Жизнь пестра... Жизнь обращается калейдоскопом бесконечных картинок, и подоплёка каждой интересна — с метафизической точки зрения: почему было так? Кто определил именно такие обстоятельства... Жизнь пестра и калейдоскопична — в недрах прозы Андрея Бычкова чувствуется это особенно сочно... А Бычков создаёт очень атмосферные книги: словно вбирающие в себя, предлагающие стать участником действия... Обыденность? Или преодоление её? В названиях книг заложено код текста: ...красиво звучит — "На золотых дождях"... Словно на струйках их подвешено нечто феноменальное; будто на струнах оных исполняется музыка бытия.

Лапидарно, с мускульным упором на каждую фразу сделанный роман выбрасывает в реальность фейерверки цитат, вместе предлагаая своеобразную прогулку по мировой литературе — столько аллюзий, ассоциативной вязи, оттенков смыслов, отсутствия символов...

Бычков играет с языком — делая это совершенно всерьёз.

...поскользну жизнь — всерьёз.

И смерть.

Но язык бессмертен: он играет с писателем или писателем с ним?

Вероятно, процесс обоюдный.

И кажется, порой Бычков выворачивает язык, вверх дном устраивает словесные представления, фантазирует и размышляет, делая речь своеобразным персонажем мистического действия.

Совершим путешествие в края воображения, откажемся от привычного пространства в пользу метафизического.

Полёт на золотых дождях обещает погружение в сложную пучину: но оно даёт эффект катарсиса: словно на какое-то время заслоняет от смерти.

"Секс с фон Триером" завернётся каскадами звучащих образов.

Крепкий настой из них гипнотически пропитает вас, читатель...

Алхимические реакции фраз и образов Бычкова начинают вибрировать в читательском сознании, поражая миром, выстроенным писателем.

По-хорошему сумасшедшим.

В чём-то детски-наивным, в сущности — невероятно искусственным.

...гранёные фразы: они собираются в своеобразно-зеркальный текст, в котором отразятся ваши детские раны и юношеские расчёсы души; и тени великих писателей прошлого лукаво подмигивают вам из пространства лабиринта, закрученного Бычковым.

ПИСАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЕН: в отличном значении — ведь всякое произведение есть своеобразное древо, чей рост невозможен без корней.

Писатель... очень от жизни: словно постиг код её, не говоря алфавиту, и делится сложными выводами, выстраивая новые и новые словесные панорамы.

Внутренняя жизнь всегда сложнее внешней, и Бычков, собственно, пишет портреты своей души. Но опыт человеческий обладает свойством сравнения: непривольное сопоставляешь писательский со своим, добавляя к последнему нечто важное.

Бычков кинематографичен, и — физик по образованию — кажется, познал и физику жизни: так, чтобы, отразившись в литературе, легко легла в кино, предлагая новые грани смыслов.

Узлы фантазий завязываются туго.

Не задумат?

Нет-нет — здесь, как во сне — всё завершится новым опытом, а не трагедией смерти.

...впрочем, как знать — может, она вовсе не трагедия, но захватывающее приключение, по ценности превосходящее то, что знаем здесь, на земле.

Вот книга "Лучше Ницше, чем никогда" — плотно уложенные в определённой, отчасти архитектурной, последовательности эссе, сверкающие красками культуры.

Рецензии. Лекции. Плотная пульсация мысли.

Интервью.

В пёстрый короб книги насыпано всего-всего.

Писатель погружает читателя в разные эпохи, показывая их взаимодействия, сложные взаимоотношения, отчасти... используя в некотором роде своеобразную психотерапию.

В ряде интервью сквозит порою дерзость: в трактовках и оценках.

Всё должно быть бодро и весело!

Отчасти звонко.

Порою и оценки позволяют себе Бычков довольно резкие — что ж, его право: ведь аргументация всегда достаточно весома.

...юмор возникает необычными россыпями спонтанных ситуаций: как в рассказе "Тапирчик"...

Ирония переплетается с эротическими мотивами, жадно и жарко полыхает язык, вовлекая в недра свои — плотные, телятские, и густо, густо мешается данность со снами...

Не перепутать бы. Впрочем, и это пригодится в деле самопознания: наиважнейшем деле, алфе тем в суммарном своде произведений А. Бычкова.

...Мир, сотворённый писателем, чудесен: словесный сад, развиваемый им, богат засаженными разными растениями, и результат работы алхимической лаборатории писателя завораживает, снова и снова предлагая неожиданные эффекты, смутные и странные словесные построения, всё-всё, показывая и жизнь, и нас в ней — как сложную смесь.

Александр БАПТИН

ЗИНОВЬЕВ

Философ-воин

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте завтра.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

БИОГРАФИЯ отечественного мыслителя, писателя и художника Александра Александровича Зиновьева (29 октября 1922 г. — 10 мая 2006 г.) похожа на авантюрный детективный роман, который, несмотря на смерть главного героя, далеко не закончен и сегодня причём с немалыми и даже растущими видами на будущее. С настоящими философами такое случается: были же мы не столь давно свидетелями публичного возмущения бундесканцлера Олафа Шольца тем, что президент России по-зволил себе процитировать Иммануила Канта, якобы необоснованно (без лицензии, что ли?) присвоив себе плоды кантовской мысли, которые, дескать, являются достоянием Германии, а также всего цивилизованного мира, следующего "порядку, основанному на правилах", но вовсе не "варварской агрессивной России". Скоробному транспарантным (не путать с трансцендентным) умом немецкому политическому лидеру в данной связи можно лишь соболезновать, но его претензии лишний раз свидетельствуют, что идеи и мысли философов — точно так же, как образы художников, как открытия учёных, как находки-придумки изобретателей — продолжают жить и после физической кончины их создателей. Александр Зиновьев — как раз из этого ряда творцов, составляющих золотой фонд человеческой культуры.

Подробности зиновьевской биографии весьма колоритны и достаточно хорошо известны: как "парнишка кустромской" из многодетной крестьянской семьи оказался в Москве, как с отличием окончил в столице среднюю школу и поступил в МИФИ, как стал антисталинистом и был вынужден скрываться от "компетентных органов", как в 1940 году записался в Красную Армию, как воевал (лётчиком-штурмовиком, кстати), как восстановился в МГУ и пошёл по академической линии, возглавив кафедру логики главного вуза страны, как оказался в числе главных диссидентов-антисоветчиков в одном ряду с Александром Солженицыным и Андреем Сахаровым, как начал литературную деятельность, которая принесла ему всемирную известность, и в 1978 году был отправлен в эмиграцию, из которой вернулся через двадцать с лишним лет, почему не принял ни горбачёвскую "перестройку", ни ельцинские "рыночные реформы" с расстрелом Верховного Совета.

Главная интрига этого прижизненного и посмертного романа имени Александра Зиновьева, конечно, завязана на его концепции социального развития нашей страны и человечества в целом, а та, в свою очередь, исходит из результатов его научных изысканий и философских размышлений. Знаменитая фраза: "Мы целили в коммунизм, а попали в Россию" — лишь одна из побочных линий данной интриги. Точно так же, как дискуссия с Борисом Ельциным в прямом эфире парижской телепередачи "Апокриф" в марте 1990 года. Будущий "всенародно избранный" российский президент тогда получил такой болевой удар интеллектуальным током, что до конца дней своих избегал даже намёка на повторение подобного опыта, а самому Александру Александровичу долго не представлял российское гражданство.

Истинный масштаб зиновьевских идей и критий будет проясняться и раскрываться только с дальнейшим течением времени, но даже доступное сегодня нашему пониманию их воздействие, от Московского логического кружка 50-х годов до нынешнего Зиновьевского клуба, на советскую/постсоветскую и мировую логику, социологию и философию можно признать чрезвычайно важным и дилеммным, образно говоря, уже встроенным в "генетический код" русской мысли, являющимся одной из репликаций этого кода.

Собственно, логику Зиновьева можно назвать системной и публицистической (многозначной), не сводимой ни к формальной, ни к диалектическому варианту, а взаимодействию и связи в ней носят не только причинно-следственный характер "если... то...".

Подобная логика проявляла себя не только через научные и публицистические труды Александра Зиновьева, но и через его художественные произведения, как литературные, так и относящиеся к сфере изобразительного искусства (картины, рисунки, карикатуры и т. д.). В рамках этой логики он объяснял появление на Западе глобального "сверхобщества", "общества второго уровня" в результате послевоенной интеграции западного мира и уничтожение СССР как утрату человечеством возможной альтернативы такому "сверхобществу". И подавляющее большинство основанных на этой логике оценок и прогнозов оказывались точными. В беседе с Владимиром Бондаренко под названием "Мировое негодяйство", опубликованной газетой "Завтра" в апреле 1994 года (за эту публикацию против нашей газеты тогда было возбуждено уголовное дело), Александр Зиновьев отмечал: "...Горе-реформаторы — от горбачёвской до ельцинской клики — решили перестроить Россию на западный манер... не имея ни малейшего понятия о том, что такое Запад. Они знали о Западе то, что им навязала западная пропаганда. Представление о Западе, господствующее в России до сих пор — и у демократов, и у патриотов, — идеологически ложное. Оно имеет с реальным Западом так же мало общего, как в своё время советская идеология — с реальным советским обществом. Советская идеология даже была ближе к реальности, чем западная к своей западной реальности". Там же он предупреждал: "Взята установка на уничтожение русскости, и она неуклонно проводится в жизнь. Первое: не допустить русских в мировую культуру. Занять достижения русской культуры. Всё русское стирается. Второе: уничтожить сам русский человеческий материал. Народ развращается не случайно, продумана целая программа его развращения. С нами поступают так, как американцы поступили с индейцами Северной Америки. Чтобы уничтожить народ, не обязательно убивать все 100 процентов. (Достаточно. — Ред.) срезать точки роста... Это делалось и делается по отношению к России. Уничтожить русский народ как великое историческое явление, а он потом сам испарится..."

Разве сегодня, тридцать лет спустя, мы не убеждаемся во всём этом на практике глобальной гибридной войны западного "альянса демократий" против России, включающей в себя ускоренную дерусификацию большинства бывших союзных республик, особенно Украины, и депопуляционо-вытеснение в наше государство его ядра в лице русского народа? Так что освоенные творческого наследия Александра Зиновьева будут становиться всё более необходимыми и неотложными задачами.

Владимир ВИННИКОВ

30 мая 18.00
Центральный дом литераторов, Малый зал
Клуб метафизического реализма
(ул. Большая Никитская, 53, проезд — до ст. метро "Баррикадная", "Краснопресненская")

ОУСТАВЪ

Теоретический вечер
Владимира ВИННИКОВА
Ведущий — Сергей СИМЫРЦЕВ.
Вход свободный

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ в своих мемуарах "Алмазный мой венец", помимо всего прочего, вспоминал девушек и женщин своей молодости, сгруппировав их по типам и видам. Получилось тонко, но ехидно, с подколками: "Итак: vyšший тип женщины — небожители: красавица, по преимуществу блондинка с бриллиантами в ушах, нежных, как розовый лепесток, стройная, поражающая длиной загнутых ресниц, благоухающая духами Котти, и даже Герлена. Продукт эпа. Она неприкосновенна и недоступна для нашего брата. Её можно видеть в "Метрополе" вечером. Она танцует танго, фокстрот или тустеп с одним из своих богатых поклонников вокруг ресторанный бассейна.

Следом за небожительницей в ранге красавиц идёт хорошенькая девушка более современного полупортретного типа, в кофточке джерси с короткими рукавами, с ямочками на щеках и на локотках, чаще всего азартная любительница пинг-понга.

После идёт таракунка (погрешка из высушенной тыквочки. — Авт.) — наиболее распространённый тип молодёжных, хорошеньких, круплицных девушек, чаще всего из рабочего класса. Они были большие модницы, хотя и одевались стандартно: лихо надётые набекрень белые суконные беретиты, аккуратные короткие пиджачки, нарядный носовой платочек, засунутый в рукав, в волосах сбоку пластмассовая заколка. Они были самостоятельны, независимы, улыбкивы.

Далее шли женщины неприятные, и среди них самый неприятный тип была холера — тощая, очень черноволосая, с плохими зубами, висящими космами прямыми волос и пронзительным индюшачьим голосом. Бывали случаи, когда небожительница перерождалась в холеру, а холера каким-то образом перерождалась в небожительницу, но это случалось редко.

Первый день творения — очень молодёжная, рано созревшая, малопромотная, с неразвитой речевой артикуляцией, испуганными глазами на толстом свекловично-барговом лице, каким-то образом очутившаяся в большом городе и показывающая прохожим листок бумаги, на котором каракулями написан адрес, который она разыскивает. Первый день творения чаще всего поступала на фабрику и с течением времени превращалась в таракунку".

Несмотря на то, что описание странное (оно дано тут в сокращении), а дефиниции метки да остроумны, городских типажей было куда как больше. В этом легко убедиться, посетив роскошную выставку "Москвичка. Женщины советской столицы 1920–1930-х", проходящую в Музее Москвы на Zubovskom бульваре.

Экспозиция — межотраслевая, художественно-публицистическая. Произведения живописи, графики, валяния соседствуют с плакатами и декоративно-прикладным искусством. Как принято на современных выставках, знакомые картины перемежаются с малоизвестными или вовсе неизвестными. Доставать из записки и являть публике — это ведущая концепция всех музейных проектов.

На сопроводительном стенде "Женщина и революция" — важнейшие вехи и смыслы. Да, totalmente раскрепощение, но с другой стороны — умножение обязанности. Равноправие означало и уважение к "слабому" полу, и повышение требований к женщинам. Тот пол больше не слаб! Кисейная барышня — не наш выбор, равно как и забитая деревенская баба. Кумачовые лозунги кричали о включении в активную деятельность, участии в политической и общественной жизни, расширении возможностей. Выбирать и быть

избранной, руководить, направлять, но вместе с тем не быть зависимой от мужчины и — мужа.

ОСНОВНОЙ ТИПАЖ — труженица, фемина в красной косынке у станка. На стендах — разнообразнейшие плакаты, призывающие идти в индустрию, не замыкаться в домашне-бытовой среде. Повсеместно возникали фабрики-кухни, где можно взять готовый обед, не корпеть над примусом и плитой. Малышей — в ясли и детский сад. В будущем, как писали в брошюрах, детей будет воспитывать само государство.

Тут же — обложки журнала "Работница". Первый его номер возник ещё до революции, в 1914 году по инициативе большевиков — в целях защиты женщин

А вот и парашютистки. На полотно Константина Дорохова "Перед прыжком" (1937) мы видим сильных девчат, которые готовятся совершить маленький подвиг — большие подвиги ещё впереди!

Особый тип воительницы — лётчица. Вообще, эта профессия была невероятно популярной в межвоенную эру. Как в стихах Анны Барто: "А чего мне хочется? Стать, ребята, лётчицей". Или как у Сергея Михалкова: "Мама лётчик. Что ж такого?" Дескать, норма для нашего социума. Путь в небо воспринимался как постижение высоты духа.

Вот — плакат графика Петра Караченцова "Каждый колхоз, каждый завод лётчица даст в наш воздушный флот!" (1936). Показана юная дева в лётной форме, провозжающая аэроплан. Классически выве-

Творчество невозможно без муз, и мы наблюдаем портреты жён художников. Вот работа Петра Кончаловского, где изображена его супруга — Ольга Сурикова-Кончаловская (1925), а тут — совсем в иной манере написанный портрет жены Александра Лабаса — Раисы Идельсон (1930-е гг.). К слову, сия дама была и сама неплохим живописцем, а до того, как стать музой Лабаса, жила в законном браке с Робертом Фальком. Что ж... В интеллектуально-богемной среде и не такое случается! Обращает на себя внимание портрет жены (1934) Фёдора Антонова. Театральный декоратор Любовь Силич стоит в чёрном шёлковом платье, выгодно подчёркивающим её статую фигуру.

Когда мы говорим "звезда по-советски", то прежде всего подразумеваем Любовь

футболистов арестовывает тамошняя полиция, но затем следует триумфальное освобождение. Кстати, Галина Уланова исполнила партию Комсомолки, а не Дивы. В том балете, премьера которого состоялась в 1930 году в Ленинграде, ощущалась квинтэссенция всех авангардных течений — в музыке, движении, декорациях. "Золотой век" считается пиком экспериментального театра, после чего пошёл откат к привычной классике.

Валентина Ходасевич была не только театральным художником, но и автором обложек для дамской прессы. На выставке представлены обложки популярного журнала "Искусство одеваться", а мы переходим к ещё одной ипостаси советской девушки, женщины — к моднице. Вопреки расхожему мнению в СССР была мода, и к ней относились как к искусству, о чём говорит даже наименование этого журнала. В 1920-х годах были попытки создать свои модные концепции, разумеется, с оглядкой на Париж, но тем не менее самобытные. Имеется в виду не "русский стиль", а нечто, связанное с футуро-тенденциями и конструктивизмом. К началу 1930-х эти революционные порывы затихли, и советская мода вошла в общеевропейское русло.

«Портрет Героев Советского Союза т. Гризодубовой, т. Оспенко и т. Расковой». Художник Сергей Герасимов. 1939 г.

рена работа Константина Юона "Портрет лётчицы Марии Зимовой" (1937). Сергей Герасимов представлен коллективным портретом Валентины Гризодубовой, Полины Оспенко и Марины Расковой (1939) — трёх великих героинь, покоривших пространство.

РЕВОЛЮЦИЯ ВЫЗВАЛА к жизни тип женщины-творца. Конечно, дамы-художницы, поэтессы, писательницы были всегда, но советская цивилизация сделала это явление массовым. Об этом говорят многочисленные автопортреты. Большой раздел посвящён Вере Мухиной — легендарному ваятелю главного символа, "Рабочего и колхозницы", в коем соединилась античная грация со стремлением в грядущее. Мухина показана как разносторонняя личность, делавшая эскизы для модного журнала "Ателье" в 1923 году, создававшая посуду, рисовавшая эскизы.

Орлову, настоящую аристократку, с блестящим игравшую ткачих, почтапоном, домработниц и артисток цирка. Белокурой королева экрана, сотканная по голливудскому канону режиссёром Григорием Александровым, была идеалом красоты и работоспособности для миллионов зрителей. В экспозиции целый раздел посвящён Орловой: фотографии, личные вещи, кадры из фильмов, красочные постеры, где она предстаёт то простой, то — роскошной.

А вот звезда балета — фотография юной Галины Улановой в спектакле "Золотой век" на музыку Дмитрия Шостаковича. Рядом эскизы костюмов к этому действию, созданные Валентиной Ходасевич. Сюжет балетной постановки фееричен. Действие разворачивается на Западе во время промышленной выставки "Золотой век", куда прибывает советская футбольная команда. В одного из футболистов влюбляется танцовщица — Дива. Наших

Галина ИВАНКИНА